

Кириченко Кристина Николаевна

студентка

Филиал ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского» в г. Новозыбкове
г. Новозыбков, Брянская область

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭЗИИ В.Я. БРЮСОВА

Аннотация: в статье рассмотрены подходы к определению понятия «реминисценция», проанализированы мифологические реминисценции в лирике В.Я. Брюсова: исследованы главенствующие в его поэтическом творчестве мифологические мотивы, образы, стихотворения Брюсова сопоставлены с лирикой древнегреческой поэтессы Сафо, определена специфика использования мифологических реминисценций. Тенденции брюсовской лирики сопоставлены также с особенностями творчества О.Э. Мандельштама.

Ключевые слова: миф, Брюсов В.Я., реминисценция, Сафо, Мандельштам О.Э.

Термин «реминисценция» (reminiscentia) имеет латинское происхождение и переводится как «отзвук, смутное воспоминание, припоминание» [6, с. 49]. В отечественном литературоведении понимание термина носит дискуссионный характер.

Литературный энциклопедический словарь предлагает трактовать реминисценцию в художественном, преимущественно поэтическом тексте как «черты, наводящие воспоминание о другом произведении; нередко невольное воспроизведение автором чужих образов или ритмико-синтаксических ходов» [7, с. 322]. В отличие от заимствования и подражания как художественных приёмов реминисценции могут быть смутными и неуловимыми, передавая творческую манеру, совокупность мотивов и тем, свойственных какому-либо автору [7, с. 322].

Л.М. Крупчанов считает, что реминисценция – это «один из эффективных способов создания новых семантических звучаний художественного образа»

[5, с. 94–95]. По его мнению, приём реминисценции направлен на память и триединое ассоциативное мышление: мышление литературы, писателя и читателя. Автор может использовать в тексте реминисценции осознанно и неосознанно. Писатели обращаются к традициям прошлой эпохи. Осмысляя литературный опыт того или иного автора, писатель на начальном этапе своей литературной деятельности может определить направление его художественной мысли, темы и образную систему [5, с. 94–95].

Л.В. Чернец придерживается толкования реминисценции как «намеренного или невольного воспроизведения поэтом знакомой фразовой или образной конструкции из другого художественного произведения» [4, с. 287–288]. Реминисценция – это «творческие связи между автором и повод проявления эрудиции читателя» [4, с. 288].

Реминисценция – это стилистический приём, заключающийся в использовании в собственном тексте узнаваемого адресатом прецедентного текста или его фрагмента без графического выделения, упоминания автора и названия [13, с. 127].

В творчестве В.Я. Брюсова наблюдается использование мифологических реминисценций – образов, мотивов, переключки с произведениями античных авторов. Мифологические элементы в брюсовском творчестве носят символическую функцию, значение которой необходимо разгадать читателю. Для этого В.Я. Брюсов применяет разные приёмы: помимо реминисценций, например, включает цитаты в текст произведения. Данная черта была характерна и для произведений других поэтов, например, для О.Э. Мандельштама [10, с. 78].

В брюсовском стихотворении «Гимн Афродите» («Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине...») (1912) наблюдается отсылка к одноимённому произведению древнегреческой поэтессы Сапфо. В обоих стихотворения герои обращаются к Афродите, богине земной любви и красоты.

Лирическая героиня в образе Сапфо обращается к богине с просьбой выслушать её, дать освободиться душе от мучительной боли, вырывающейся наружу. Мотив обращения к богине красоты повторяется и у В.Я. Брюсова. Его

лирический герой от лица символистов, для которых античность была одним из источников вдохновения, обращается к божеству уже как к Музе. Девять муз в Древней Греции были богинями поэзии, искусства и наук, поэтому неудивительно, что образ Афродиты, воссозданный поэтом, кажется возвышенным и величественным:

Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине.
Ты Афродита-Любовь, как царила, так царствуешь ныне.
Алыми белый алтарь твой венчаем мы снова цветами,
Радостный лик твой парит с безмятежной улыбкой над нами.
[2, с. 103].

О, явись опять – по молитве тайной
Вызволить из новой напасти сердце!
Стань, вооружаясь, в ратоборстве нежном
Мне на подмогу!
[12, с. 8].

В.Я. Брюсов, как и Сапфо, использует вопросительные предложения, в которых повторяется описание улыбки Афродиты, но брюсовское лирическое «Я» задаёт эти вопросы богине, в то время как в произведении Сапфо сама богиня обращается к лирической героине:

Правду какую благосклонной улыбкой ты хочешь?
Мрамором уст неизменных какие виденья пророчишь?
[2, с. 103].
Улыбалась мне несказанным ликом...
«Сапфо – слышу. – Вот я! О чём молишь?
Чем болеешь?..»
[12, с. 7].

Особенностью лирики В.Я. Брюсова является использование сюжетов из разных мифологических систем. Так, в его творчестве обнаруживаются мотивы из греческой, римской, египетской, скандинавской, славянской мифологий.

Наиболее часто поэт вводит в свою поэзию персонажей древнегреческой мифологии и этим вливается в русло поэзии Серебряного века. В качестве иллюстрации этой мысли можно привести аналогию из «Шума времени» О.Э. Мандельштама: «Его базаровщина переходила в древнегреческую простоту» [9, с. 17].

В стихотворении «Гимн богам» (1913) Брюсов перечисляет богов Олимпа, восхищается ими и возвышает их:

Я верую в мощного Зевса, держащего выси вселенной;
Державную Геру, чьей волей обеты семейные святы;
Властителя вод Посейдона, мутящего глуби трезубцем;
Владыку подземного царства, судью неподкупного Гада...
[2, с. 102].

В своей лирике В.Я. Брюсов часто обращается к образам девяти муз – покровительниц искусств и наук. Муза для поэта – это воплощение, «материальная форма» вдохновения, переполняющего его душу. Таковы стихотворения «Поэт – Музе» (1911) и «С волнением касаюсь я пера...» (1915).

Наиболее частым мифологическим образом, к которому обращается В.Я. Брюсов, является Орфей. Орфей – это певец, музыкант, сын музы Каллиопы и Аполлона (или фракийского царя). Он женат на Эвридике, которая, по некоторым версиям, тоже является дочерью Аполлона.

В основе стихотворения «Орфей и Эвридика» (1903–1904) лежит миф о трагической любви. На севере Греции жил певец Орфей, который играл на семиструнной кифаре и пение которого хотели услышать животные, и дриада – древесная нимфа Эвридика. Однажды её укусила змея, и она оказалась в подземном царстве мёртвых. Молодой человек долго тосковал по возлюбленной и отправился за ней в царство Аида. Орфей умолял его вернуть Эвридику. Бог мёртвых не соглашался, но поддался уговорам своей супруги Персефоны. Аид согласился, что он вернёт девушку при условии, что Орфей будет идти вперёд и ни разу не обернётся посмотреть на нимфу. Но Орфей не выполнил указ Аида, Эвридика растворилась в тьме, и до конца жизни Орфей тосковал по любимой.

В стихотворении «Ученик Орфея» (1918) представлены два лирических героя: Орфей и поэт, считающий себя его учеником. В произведении взаимодействуют два пространства: пространство Древней Греции времён Орфея и пространство современного мира поэта.

Лирический герой размышляет о тернистом, сложном пути поэта подобно его учителю Орфею. Лирическое «Я» сопоставляет себя и певца Орфея:

Орфей, сын бога, мой учитель,
 Меж тигров так когда-то пел...
 Я с песней в адову обитель,
 Как он, сошёл бы, горд и смел...
 [3, с. 11].

Мотив красоты, женственности в творчестве В.Я. Брюсова выражен в образе Изиды (Исиды) – в египетской мифологии богини плодородия, воды и ветра, символе семейной верности. Культ Изиды был популярен в Древнем Египте. Наиболее распространён миф про её верность богу Осирису: после убийства Осириса Сетом она собрала раскинутые богом хаоса части мужа и похоронила его [8, с. 568–570].

Образ Изиды возникает в таких стихотворениях Брюсова, как «Жрец Изиды» (1900), «Жрице луны» («Владыка слов небесных, Тот...») (1904), «Встреча» (1909), «Пирамиды» (1917), «Вещий ужас» (1920), «Египетский профиль» (1920), «Кубок Эллады» (1921). Изида у Брюсова это прекрасная дева, чистая и непорочная:

И женщина, в одежде белой,
 Пришла на пристань, близ кормы,
 И стала, трепетно-несмело,
 Там, пред порогом водной тьмы...
 [1, с. 146].

Образ возлюбленной лирического героя подобен Изиде, она верна, покорна только лирическому герою:

Ты давно меня любила, как Озириса Изиды, друг, царица и сестра!

[1, с. 474].

Образы богов в брюсовских стихотворениях символичны. В «Воспоминании о малюточке Коре» (1895) упоминается Марс, который в Древней Италии считался богом плодородия. Он мог либо наслать гибель урожаю или скота, либо предотвратить эти невзгоды. Вероятно, что Кора в стихотворении представляет собой Персефону, у которой первоначально было имя Кору до женитьбы с Аидом. Кора так же, как и Марс, почиталась в качестве богини плодородия, поэтому в рамках стихотворения можно считать, что Марс – это названный отец, а Кора – его названная дочь [8, с. 119–120].

Стихотворение построено на сопоставлении образа муэдзина – в исламе человека, призывающего мусульман на молитву, – и образов Марса и Кору. Автор раскрывает мысль о том, что жизнь не бесконечна. Поэтому так ярко и переданы образ муэдзина, решившего посвятить свою жизнь Богу, и образ умирающего Марса, который знает, что его жизнь продолжится в жизни Кору:

Красный Марс между веток плывёт
На последнем своём эпицикле...
И опять всю жестокою ложь
Прошепчу тебе, бедная Кора!..
Жизнь прекрасна, как сказка, как сон,
Как певучий призыв муэдзина...

[1, с. 63–64].

Сказочные мотивы в стихотворениях В.Я. Брюсов создаются посредством обращения к славянской мифологии (стихотворения «Закат» (1900), «Сказка» (1900), «Русалка» (1907)).

В стихотворении «Сказка» лирический герой объясняет, что о важных человеческих качествах он узнал из сказок. Одним из таких символов волшебства, детства являются избушка Бабы-Яги, русалки, леший:

Я учусь быть добрым, я хочу быть ласковым.
Вы, стихов поющих верные хранители...
Там русалки вторят звонким смехом лешему...

Там, на курьих ножках, есть изба Ягиная...

[2, с. 124].

Не только для символиста В.Я. Брюсова, но и для акмеиста О.Э. Мандельштама свойственны славянские фольклорные мотивы. У последнего, например, встречаются образы Садко, Ивана-дурачка [11, с. 66].

Подводя итог, отметим, что для лирики В.Я. Брюсова присущи следующие особенности употребления и переосмысления мифологических реминисценций:

– обращение к разным мифологическим системам – как распространённым, так и малоизвестным;

– создание собственной системы «вечных» образов и регулярное использование их в стихотворениях (имя Орфея повторяется 9 раз, имя Изиды – 9 раз, имя Одиссея – 7 раз);

– сочетание в пределах одного стихотворения нескольких мифологических систем («Пирамиды» (1917), «Победа при Каррах» (1916));

– включение образов богов с определённой целью в ряде стихотворений (к примеру, Олимп выражает конкретный образ-знак, славянские божества формируют сказочные мотивы);

– включение в лирику образов, трактуемых исследователями по-разному (например, стихотворение «Тени» (1895)).

Список литературы

1. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 томах / под общ. ред. П.Г. Антокольского [и др.]. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – М.: Худож. лит., 1973. – 672 с.

2. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 томах / под общ. ред. П.Г. Антокольского [и др.]. – Т. 2. Стихотворения 1909–1917. – М.: Худож. лит., 1973. – 496 с.

3. Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 томах / под общ. ред. П.Г. Антокольского [и др.]. – Т. 3. Стихотворения 1918–1924, стихотворения, не включавшиеся В.Я. Брюсовым в сборники 1891–1924, поэма «Египетские ночи». – М.: Худож. лит., 1974. – 696 с.

4. Введение в литературоведение: в 2 т. Т. 2. Учебник для вузов / Л.В. Чернец [и др.]; под ред. Л.В. Чернец. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 388 с.

5. Введение в литературоведение: учебник для вузов / Л.М. Крупчанов [и др.]; под общ. ред. Л.М. Крупчанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 479 с.

6. Владимир В.В. Латинская реминисценция в художественном тексте / В.В. Владимир, В.В. Капустин // Языки международного общения: культурно-исторические и профессиональные аспекты: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к празднованию Дня славянской письменности и культуры (Курск, 24 мая 2023 г.) / Курский государственный медицинский университет / под ред. В.А. Липатова. – Курск: КГМУ, 2023. – С. 49–52. – EDN MMJAMW

7. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева, ред. кол.: Л.Г. Андреев [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

8. Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. – В 2 т. Т. 1. А – К. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – 671 с.

9. Пронченко С.М. Интертекстовые ономастические структуры в произведениях О.Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.М Пронченко. – СПб., 2007. – 20 с. – EDN NJDTUF

10. Пронченко С.М. Ономастические структуры в произведениях О.Э. Мандельштама / С.М Пронченко // Мир русского слова. – 2008. – №2. – С. 76–82. – EDN JWHOPR

11. Пронченко С.М. Ономастический аспект лексической структуры художественных текстов О. Мандельштама: функциональный комментарий / С.М Пронченко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2006. – №2 (19). – С. 64–69. – EDN LLQOFY

12. Сапфо и Алкей. – Харьков: Фолио, 2008. – 192 с.

13. Смолина А.Н. Интертекстуальные включения в русской духовной эпистолярной коммуникации: типология, функции, контекст / А.Н. Смолина // Научный диалог. – 2022. – №11–2. – С. 122–139. – DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-2-122-139. – EDN WILLO